

* 6 СЕН 1988

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Произнести юбилейное слово о художнике, о мастере и просто, и сложно. Большой и яркий талант всегда самобытен, неповторим — нужно ощутить и с трепетной благодарностью обозначить эту неповторимость. И вместе с тем он всегда воплощает, собирает в себе свойства явлений громадных, всеобщих: дух своего времени, общества, отечественной и мировой культурных традиций. Просто говорить о «составных» таланта. Сложно соединить их так, чтобы за ними вставали живой и реальный облик, труд и судьба нашего современника, блистательного музыканта и необыкновенного человека...

иной смысл этой грандиозной работы. Смысл пронзительно-лирический, трепетно-личный.

— Калининков... Он ведь так недолго жил, и всего две симфонии, такие чудесные... Как же это — не играть, не помнить? И Ляпунов тоже...

Я слышу интонацию речи Евгения Федоровича, слышу отчетливо и внятно. Он говорит об этих русских симфониях, «падчерницах» концертной жизни, так, как говорят о детях, оставшихся сиротами. Преувеличения здесь нет. Он действительно относится к музыке русских композиторов, к сочинениям всемирно знаменитым или незаслуженно забытым, как к живым людям. Для него нет в национальном наследии «музыки второго сорта». Есть лишь недостаточно понятая, услышанная, прочувствованная. И вот это личное, пристрастное, любовное отношение ко всему, что составляет историю нашей музыки, превращает антологию из просто полного собрания сочинений в ожившую историю души русской, в одухотворенную мелодию этой души, которой нет конца.

Слушая Светланова, проживаешь вместе с ним богатырский эпос Бородина, исконно русскую характерность Глинки, страдальческую силу Мусоргского, монументальную лирику Глазунова, даль простора и сердечную боль любимейшего светлановского Рахманинова, трепещущий душевный мир Чайковского. И как прекрасно и как справедливо, что все богатство отечественной музыки, сохраненное в звучащей записи, сосредоточено в одних руках, руках художника, беззаветно и самозабвенно преданного этой музыке. Художника, вложившего в этот труд всего себя: и талант, и душу, и вдохновенное мастерство.

Он открывает нам не только забытое. Он открывает нам и то, что мы, казалось, знали

Формула судьбы

Евгению Федоровичу Светланову — 60 лет. Дата, когда по традиции подводятся итоги и рождаются новые замыслы. Дата, когда творческая мощь художника в зените, в самой полнокровной, плодоносящей фазе. Конечно, лучше всего о своих целях, принципах достигнутых и завтрашних планах говорит сам Светланов. Стоит лишь вслушаться в его слова, и раскрывается особая, поражающая цельность его художнической натуры.

«Формула судьбы», отчетливо, как кристаллы, видимая сегодня, была прочерчена им самим еще в давние, юные годы. словно человек, пишущий книгу своей жизни, начинает с последней странички — оглавления, зная точно, к чему стремится, чему отдает долг.

«Моя судьба сложилась так, — говорит Светланов, — что в последние годы я почти все время провожу за дирижерским пультом. И это отнюдь не насилие над собой. Я сознательно шел на это, ибо передо мной ясная и твердая задача: дирижировать, чтобы пропагандировать незаслуженно забытые произведения, особенно русской музыки, а также играть сочинения моих коллег, товарищей «по перу», советских композиторов. Кроме того, хотелось «раскапывать» что-то новое, современное, неизвестное... И еще: новыми глазами прочитать основные шедевры русской классики. Очистить их по возможности от различных многолетних исполнительских «отсебятин», наслоений, штампов...».

Это говорилось не столь давно. А вот — сказанное более 30 лет назад, заметка в многотиражке ГАБТа «Советский артист» от 23 марта 1955 года: «Я очень люблю русскую оперную классику, особенно замечательные произведения Н. Римского-Корсакова. К сожалению, в репертуаре Большого театра его творчество представлено крайне ограничено. Уже давно не идут на сцене Большого театра «Царская невеста», «Сказка о Царе Салтане», «Китеж», «Золотой петушок» и т. д. Моя заветная мечта — когда-нибудь продирижировать этими операми.

В этом году заканчиваю дирижерский факультет Московской консерватории по классу профессора А. Гаука и композиторский — по классу профессора Ю. Шапорина. В программе моего дипломного концерта: Вторая симфония Рахманинова, виолончельный концерт Мясковского и Вторая сюита из балета Равеля «Дафнис и Хлоя».

Сейчас я работаю над операми «Псковитянка» Римского-Корсакова и «Никита Вершинин» Кабалевского. Хочется возможно скорее встать за пульт и испытать свои силы в качестве оперного дирижера.

И подпись — Е. Светланов, дирижер-стажер. В этой заметке, искренней, почти простодушной, конспект целой жизни. То самое «оглавление книги».

Мальчиком-подростком он выходил на сцену Большого в хоре, в мимансе и нынче с удовольствием вспоминает об этом «доисторическом периоде» своего пути. Десятилетие, прожитое за пультом Большого, — от стажера до главного дирижера и потом — возвращения, обозначив которые пунктиром, получаем след огромных событий в истории нашей музыкальной театральной жизни: незабываемые спектакли «Отелло», юбилейный «Спящей красавицы», «Китеж», теперь еще и «Золотой петушок»...

Всем счастливым, кто был в зале, просто смотрел и слушал, наверное, не приходит мысль о том, каких напряженных усилий стоил Светланову этот фейерверк. А между тем так и было — прежде всего это относится к операм Римского-Корсакова, — это воистину была борьба такая, что даже наблюдать ее со стороны было тяжело. Видеть, как рождалась идея спектакля, как она вырастала, не давала покоя, принимала живой, звучащий облик, становилась целью и мечтой, крепла, просила выхода, преодолевала невзгоды и препятствия. Десятилетия жила втуне, билась внутри, как колокольный звон невидимого града, приближалась с каждой новой — другой! — постановкой, концертным исполнением симфонических фрагментов с записью всевозможной — другой! — русской музыки... Наконец, когда уже был виден берег, когда мечта могла быть воплощена, она заставляла отменять гастроли, зарубежные поездки, приходило на хоровые спевки в вокальные классы, вычищать, выделять ювелирно каждую интонацию, любить каждую мелодию, как человека, постигать ее характер и привычки, умирать вместе с нею, воскресать в новом обличье.

Думать этой музыкой.

Испытать смертельную усталость после премьеры...

Но теперь у нас есть «Китеж», есть «Петушок», они вошли в наше время, вписались в 80-е годы, и годы стали в чем-то иными.

Это и есть настоящее дело настоящего художника — формировать время по-своему, не только брать от него, но и давать многое, бесценное — давать времени и каждому из нас.

Невозможно рассказать обо всем, что составляет подвижническую жизнь Светланова. И потому приходится выбирать главное.

А главное — это русская антология, полное ее имя звучит величаво-торжественно: «Антология русской музыки в грамзаписи»... Можно пытаться выразить значение этого веяния самыми высокими словами отмечать монументальность труда, уникальный масштаб задачи. И все это будет, конечно, верно. Но можно однажды услышать, как говорит Светланов о каком-нибудь полузабытом сочинении (не только Глинки, но и, например, Ляпунова или Аренского), и вот тут-то постичь внезапно и точно

наизусть. Симфонии Чайковского, например. Вспомните, как начал Светланов свой телевизионный цикл «Все симфонии Чайковского». Его первые слова ошеломили: «Не спешите выключать телевизор! Может быть, вы услышите что-то новое и интересное...» Новое в этой музыке? Да, совершенно особенное, чистое, страстное, неожиданное, и не только в музыке, но и в самих себе. «Открыть окно, что жили отворить» — лучше, чем поэт, не скажешь об этом. Или другое. Я пережила однажды настоящее потрясение, «открыв» очень простую вещь: главные заповедные слова — образы русской речи — односложны, одноударны. Свет — тьма, жизнь — смерть, рай — ад, день — ночь, мать — сын, мир — меч, дух — плоть... Наверное, никогда не осознать бы это очевидное, если бы не светлановский Рахманинов с его колокольностью. Образ русский, до символа, когда счастливый перезвон вдруг, преобразаясь, гудит тревожным набатом, и его гулки, рождающие эхо удары — те самые заветные слова. Спасибо Светланову и за это.

Вместе со своим коллективом Светланов завоевывает для русской классики необозримое пространство и бесчисленных приверженцев; играет столь же увлеченно и западную классику, и современный репертуар. Никогда не забывая при этом своей художнической миссии: пропаганда русского музыкального наследия. И в этом — тоже подвижничество, служение идее: в поисках шумной гастрольной славы чаще избираются другие пути...

Досадно мало времени и сил остается на иные — недирижерские проявления богатейшего светлановского дара. Тонкий пианист и ансамблист, публицист, чья книга статей о музыке разошлась тремя изданиями. Композитор. Это для Светланова очень серьезно, в своей музыке он говорит простым, искренним языком русской лирики. И здесь обо всем не скажешь, но невозможно не вспомнить сильного впечатления от поэмы Твардовского «Дом у дороги», записанной на радио с музыкой светлановской «Калины красной»...

Новые работы, концерты, записи, гастрольные поездки... С благодарностью — хочется множество раз повторить это слово! — ждем всего этого от замечательного художника. Неповторимая творческая и человеческая личность Светланова (правда, порой противоречиво непредсказуемая!) излучает тепло и свет, притягивая мощным магнитом своего дара современников, нас с вами.

Заканчиваю, а перед глазами — живая, шумная, азартная толпа перед входом в зал: нет ли лишнего билета на Светланова?..

Лариса КРЫЛОВА,
кандидат искусствоведения.

● Евгений Светланов.

Фото А. Степанова.